

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Кто изъ современниковъ не помнитъ той ангельской кротости, той невыразимой улыбки, которая всегда озаряла прекрасное чело Государя Императора Александра Павловича? Она привлекала сердца не только тѣхъ, которые имѣли счастье видѣть его часто, но и тѣхъ, которые видѣли его хотя одинъ разъ въ жизни своей. А твердость его духа, даже въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ, хладнокровіе въ сраженіяхъ, великодушіе къ побѣжденнымъ и тонкая его политика извѣстны всему міру. Эти добродѣтели пріобрѣли ему любовь и удивленіе освобожденной имъ Европы. Каждый годъ жизни и царствованія его служилъ новою и славною страницей для исторіи. Онъ былъ точно царемъ царей, какъ провозглашали его Французы въ 1814 г. *Vive Alexandre! Vive le Roi des Rois!* и пр.

Пріобрѣтенная имъ слава и безпримѣрное милосердіе его вынуждали смотрѣть на него какъ на божество бессмертное, что и согласовалось съ совершенно цвѣтущимъ здоровьемъ Государя во всей порѣ его жизни. Какого-же было изумленіе, и какъ всѣ были поражены внезапнымъ извѣстіемъ о кончинѣ его? Тѣмъ болѣе что въ Петербургѣ, исключая самыхъ болѣе приближенныхъ ко двору, мало кто успѣлъ услышать даже и о болѣзни его. Я тоже, въ числѣ таковыхъ, никогда не забуду той минуты, когда 27-го Ноября, вышедъ съ квартиры часу въ 12-мъ утра, на поворотѣ съ Большой Морской на Невскій проспектъ, встрѣчаю графа Александра Ивановича Апраксина со слезами на глазахъ. Что съ вами, графъ, спросилъ я съ удивленіемъ?—Какъ развѣ вы не знаете?—Что такое?—Нашъ незабвенный Государь скончался.—Не можетъ быть, вскрикнулъ я въ первомъ изумленіи, и дѣйствительно мнѣ это показалось невѣроятнымъ, неестественнымъ. Смотрите, говорилъ онъ мнѣ показывая на экипажи съ дамами въ глубокомъ траурѣ, утирающими слезы платками. Онѣ ѣдутъ на панихиду во дворецъ. За тѣмъ, не могли болѣе говорить, оставилъ меня. Тогда я пошелъ къ генералу Воинову, въ то время командиру гвардейскаго корпуса, который

жилъ отъ того мѣста черезъ три дома. Онъ самъ былъ во дворцѣ, но жена его и адъютантъ подтвердили роковое извѣстіе съ нѣкоторыми подробностями. Разумѣется, мы всѣ плакали какъ дѣти.

Вышедши отъ нихъ, весь городъ показался мнѣ какою-то плачевною угрюмою картиною; встрѣчающіеся знакомые и незнакомые сообщали другъ другу общее всѣмъ тогда горе. Дѣйствительно день тотъ былъ вполнѣ горестный для всѣхъ жителей Петербурга. На другой день всѣ другъ другу сообщали одно мѣсто изъ письма императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ Таганрога къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, сдѣлавшагося вдругъ извѣстнымъ всему городу „Нашъ ангелъ на небеси“; показавшіяся же вскорѣ кольца съ этою надписью и съ изображеніемъ его раскупались на расхватъ. И мудрено ли послѣ-этого, что почти внезапная кончина Государя и извѣстіе о ней, тоже внезапное, подали многимъ поводъ къ суевѣрнымъ сближеніямъ и припоминаніямъ, какъ будто предзнаменовавшимъ это несчастіе; но никогда предразсудки не бываютъ такъ простительны какъ при тогдашнемъ болѣзненномъ у всѣхъ состояніи души. Такъ между прочимъ говорили, что покойный Государь при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, прощаясь съ матерью и младшими братьями, изволилъ будто сказать съ особымъ чувствомъ: „Мы долго и долго не увидимся“. Отъѣхавши же нѣсколько отъ Петербурга, приказалъ кучеру остановиться, и вставши обратясь назадъ—долго смотрѣлъ на городъ.

Говорили также, что въ день своего Ангела, послѣдній разъ, прислалъ въ Александро-Невскій монастырь по нѣскольку пудовъ восковыхъ свѣчъ, масла и ладону. А наканунѣ отъѣзда, бывши въ томъ же монастырѣ, долго молился, стоялъ на колѣняхъ, потомъ заходилъ къ схимнику, съ которымъ очень долго бесѣдовалъ.

Прибавляли, что, на возвратномъ пути изъ Крыма въ Таганрогъ, онъ будто бы намочилъ ноги при переправѣ черезъ одну рѣку, которая имѣя Татарское названіе, въ переводѣ на Русскій языкъ—выходило „смерть Русскому“. А курьеръ посланный къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ было будто бы сказано, что онъ не замедлитъ прибыть вскорѣ послѣ него, дорогою расшибся и умеръ. Онъ заболѣлъ 7-го Ноября 1825 г.; день страшнаго наводненія 1824 года въ С.-Петербургѣ, которое онъ называлъ катастрофою и послѣ котораго онъ будто сказалъ кому-то: „такое же наводненіе было въ годъ моего рожденія 1777 г. А это не предвѣщаетъ ли годъ моей кончины?“

Въ Таганрогѣ, передъ болѣзнію, на одной какой-то панихидѣ Государь, замѣтивъ, что въ тамошнемъ соборѣ черныя ризы были очень ветхи, приказалъ сдѣлать новыя, какъ будто предчувствуя, что онѣ понадобятся для его помпозенія. Нельзя однако не принять во внима-

ніе то сближеніе, что Петръ Великій скончался въ 1725-мъ году и Александръ I, тоже большой славы Государь, скончался ровно черезъ сто лѣтъ въ 1825 году.

Въ день кончины Екатерины II и Павла караулы въ Зимнемъ дворцѣ были отъ Преображенскаго полка, и отъ него же караулъ въ Зимнемъ дворцѣ былъ въ день полученія роковаго извѣстія о кончинѣ Александра. Нелишнее замѣтить, что число 19-го Ноября изображено на офицерскихъ знакахъ Преображенскаго полка, данныхъ Петромъ I за отличіе въ память взятія Нарвы въ 1700 году и носимыхъ офицерами, когда находятся въ строю или на службѣ—было числомъ и мѣсяцемъ кончины Александра.

Не выходя нѣсколько дней отъ душевнаго унынія, я невольно предался самымъ грустнымъ мыслямъ и воспоминаніямъ. Мнѣ живо припомнился тотъ день, когда мнѣ въ первый разъ привелось увидѣть Государя, бывши еще 13-лѣтнимъ юношею.

Въ 1804 году я изъ благороднаго пансіона, бывшаго тогда при Московскомъ университетѣ, по волѣ родныхъ моихъ прибылъ въ Петербургъ для поступленія въ извѣстный въ то время пансіонъ Іезуитовъ. Прежде всего мнѣ крайне любопытно было видѣть Государя, котораго я представлялъ себѣ выходящимъ изъ ряда людей, какъ мощнаго повелителя многихъ милліоновъ подданныхъ, и я былъ внѣ себя отъ счастья, когда мнѣ удалось этого достигнуть, увидавъ его верхомъ на какомъ-то парадѣ дворцовой площади. Александръ Павловичъ, на четвертолѣтнемъ тогда своемъ царствованіи, былъ въ порѣ молодости и замѣчательной, величавой красоты. Черты его лица не могли тогда не врѣзаться въ памяти моей. Вскорѣ потомъ, когда я уже поступилъ въ пансіонъ, мнѣ случилось быть нѣсколько разъ свидѣтелемъ вотъ чего.

Іезуитскій пансіонъ помѣщался тогда въ домѣ находящагося въ глубинѣ двора католическаго монастыря, который былъ при теперешней церкви Св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ; вслѣдствіе чего окна дома, въ которомъ помѣщался и пансіонъ, и монахи-преподаватели, выходили на теперешнюю Михайловскую площадь, но тогда еще на пустынную улицу, по одну сторону которой, за исключеніемъ каменнаго дома нашего пансіона, лѣпилось (и то изрѣдка) нѣсколько деревянныхъ домиковъ съ длинными заборами, а по другой сторонѣ—тянулась каменная стѣна тогдашняго такъ называемаго верхняго лѣтняго сада, на мѣстѣ теперешней площади передъ Михайловскимъ дворцомъ. Такое положеніе улицы, идущей параллельно Невскому проспекту и не имѣвшей еще тогда соединенія съ нимъ посредствомъ теперешней Михайловской, дѣлало ее какою-то уединенною улицею въ

центрѣ города, по которой мало ѣздили и ходилп. И вотъ почему Государь, какъ видно, избралъ ее для своихъ утреннихъ свиданій съ извѣстною тогда роскошною красавицею Марьею Антоновною Нарышкиною.

Однажды осенью, помнится въ 1806 году, послѣ общаго нашего обѣда въ первомъ часу (за которымъ по заведенному у насъ тогда порядку пришла мнѣ очередь читать какую-то книгу въ слухъ) всѣ ученики, оставивъ столовую, бросились бѣгать и играть по двору, а я, кончивъ свой одиночный обѣдъ и подошедши къ одному изъ оконъ столовой, къ удивленію своему увидалъ Государя стоящимъ на улицѣ верхомъ, а рейткнекта, ѣхавшаго за нимъ, соскочившаго съ своей лошади и что-то поправляющаго у лѣваго его стремя. Государь, устремивъ глаза вдоль улицы, какъ будто поджидалъ кого и вдругъ, торопливо оправившись въ сѣдлѣ двинулся съ мѣста. Я бросился къ отворенной довольно большой форточкѣ окна и, высунувъ голову на улицу, сталъ слѣдить за нимъ. Вскорѣ увидалъ я подвигающуюся крупною рысью карету съ двумя лакеями въ красной ливреѣ на запяткахъ, которая не далѣе 50 саженой отъ моего наблюденія остановилась, и Государь близко подъѣхалъ къ опущенному окну кареты. Простоявъ минутъ около десяти, онъ двинулся впередъ, а карета проѣхала мимо моего окна, въ которой я ясно видѣлъ сидящую даму.

Я боялся сообщить кому изъ учениковъ мое открытіе и крѣпко держалъ его въ секретѣ; не менѣе того, подстрекаемый любопытствомъ, я довольно часто сталъ заглядывать послѣ обѣда въ пустую столовую въ надеждѣ увидать повтореніе видѣннаго и не обманулся: мнѣ еще два раза привелось слѣдить за этимъ свиданіемъ; только въ эти другіе раза Государь былъ не верхомъ, а въ саняхъ парою съ пристажною, какъ тогда всѣ ѣздили, и тоже одинъ разъ, остановясь почти противъ нашего дома, сталъ что-то поправлять въ ожиданіи кареты, которая остановилась почти на одномъ и томъ же видимо условленномъ мѣстѣ; сани же подъѣзжали такъ близко къ каретѣ, что Государь, ставши на ноги, не выходя изъ саней, могъ стоять у самаго окна.

Это было въ первые годы связи Государя съ Маріею Антоновною. Связь эта продолжалась довольно долго. Отъ нея у Государя была дочь, которая, кажется, умерла въ молодости.

По выходѣ изъ пансіона въ началѣ 1808 года, я поступилъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ и по тогдашнему заведенному порядку представлялся Государю, какъ шефу полка, еще во фракѣ, рядомъ съ другими многими разными лицами, представлявшимися ему въ тотъ день. Я не помнилъ себя отъ счастья, получивъ благосклонный взглядъ его, который былъ, такъ сказать, особенною принадлежностью

его особы. Какъ онъ много дѣйствовалъ на тѣхъ, къ кому онъ относился и какъ сильно онъ привязывалъ къ нему тѣхъ, которые посвящали жизнь свою на службу ему!

Въ томъ же году я отправился съ четвертымъ батальономъ Преображенскаго полка, который въ числѣ другихъ полковъ посланъ былъ въ Финляндію, по случаю тогдашней войны съ Швеціею. Совершилъ зимнюю кампанію почти до Улеборга. Потомъ простоявши два мѣсяца въ Вазѣ, пошелъ батальонъ нашъ къ Або для перехода въ Мартѣ мѣсяцѣ моря по льду, на Аландскіе острова, и по случаю перемирія тѣмъ же путемъ возвратился въ Або, гдѣ и простоялъ всю весну и лѣто.

Вспомнилъ, съ какою радостью и одушевленіемъ мы увидали тогда Государя, пріѣхавшаго туда на нѣсколько дней и какъ онъ насъ тогда подарилъ царскимъ спасибо за понесенные нами труды. На парадѣ при церемоніальномъ маршѣ мнѣ пришлось салютовать ему знаменемъ. Когда же, по возвращеніи въ Петербургъ, я былъ произведенъ въ офицеры въ тотъ же полкъ, въ началѣ 1810 года, то вновь имѣлъ счастье представляться Государю. Въ то время Государь ежедневно бывалъ на разводахъ 1-го отдѣленія. Всѣхъ офицеровъ, подходившихъ къ нему заявлять, опуствя шпагу, въ какое мѣсто назначены въ караулъ, полковой командиръ называлъ по фамиліи; но Государь нерѣдко любилъ предупредить его и часто самъ называлъ многихъ. Съ какимъ восторгомъ я въ первый разъ услышалъ имя свое произнесенное имъ.

Врѣзался въ мою память тотъ день 1812 года, въ который при начальномъ отступленіи отъ Свенціанъ къ Дрисѣ, во время дождя и при порывистомъ сильномъ вѣтрѣ, онъ верхомъ съ накинутою шинелью на правое плечо противъ вѣтра, стоялъ у дороги и смотрѣлъ на проходившій мимо его нашъ корпусъ. Отъ грязнаго, дождливаго и труднаго пути, мы были совершенно утомлены, но улыбающія черты лица Государя и его привѣтъ „здорово ребята“ какъ будто какою-то электрическою искрою всѣхъ насъ ободряли.

Когда послѣ страшнаго пораженія сильнаго врага, въ концѣ 1812 года, Государь изволилъ прибыть въ Вильну, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ 12-го Декабря, (день рожденія Государя) давалъ балъ, или лучше сказать по немногочисленности своей и тѣснотѣ помѣщенія скорѣ скромный вечеръ, я, въ немъ участвовавшій въ числѣ танцующихъ офицеровъ Преображенскаго полка, находившихся тогда при главной квартирѣ, припомнилъ себѣ, съ какимъ неизъяснимо кроткимъ, но озареннымъ великою славой лицомъ Государь вошелъ въ залу и съ какимъ однако невольнымъ трепетомъ стояли Польскія дамы и привѣтствовали его; но сердце его чуждое мести вскорѣ успокоило ихъ, когда онъ

сталъ разговаривать съ нѣкоторыми изъ нихъ. Прошедшаго какъ будто не бывало, и всѣ веселились, тогда какъ улицы города, огромные костелы его и больницы, наполненные плѣнными не были еще вполне очищены отъ множества мертвыхъ тѣлъ павшаго непріятеля и столько же ждавшихъ той же участи отъ изнеможенія силъ послѣ страшнаго голода и сильныхъ морозовъ.

Тутъ же на балѣ видѣлъ я свѣтлѣйшаго Кутузова, въ первый разъ съ Георгіемъ 1-й степени черезъ плечо, полученнымъ имъ только наканунѣ того дня.

Государь съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ обходился съ свѣтлѣйшимъ, а въ самомъ разгарѣ танцевъ вошелъ съ нимъ въ боковую комнату, дверь которой немедленно за ними затворилась, и изъ которой возвратились они въ балную залу, только по прошествіи довольно долгаго времени, и это повторялось раза два.

Когда же мы вступили снова въ походъ къ Калишу, перешедши рѣку Нѣманъ 1-го Января 1813 года, то, не смотря на зимнее время, Государь почти ежедневно верхомъ обгонялъ нашъ полкъ, продолжавшій находиться при главной квартирѣ, и здоровался съ нимъ. Онъ хотя не былъ отличнымъ ѣздокомъ, но сидѣлъ ловко и красиво, на статныхъ отлично выѣзжанныхъ лошадяхъ. Кто не любовался его сврою верховою лошадию Марсъ? Онъ ѣздилъ не иначе какъ шагомъ или галопомъ; рысью никогда.

Изъ Калиша къ Дрездену мы подвигались уже весною при прекрасной и теплой погодѣ. Жители Прусской Силезіи стекались со всѣхъ сторонъ на дорогу, по которой мы проходили, безпрестанно у насъ спрашивая, гдѣ Государь и скоро ли онъ проѣдетъ. При вѣздѣ въ каждое селеніе, стояли пасторы или какіе другіе сельскіе начальники, окруженные толпою поселянъ въ праздничныхъ нарядахъ и, подходя къ Государю, привѣтствовали иногда довольно длинными рѣчами. Но Государь всегда останавливался и, благосклонно выслушивая, не отъѣзжалъ не подаривъ ласковымъ словомъ, что и самыхъ хладнокровныхъ Нѣмцевъ приводило въ восторгъ, съ крикомъ по удаленіи Государя: вотъ душа, вотъ Ангель!

Памятенъ мнѣ и тотъ день, въ который, при переходѣ черезъ Прусскую Силезію, я назначенъ былъ въ караулъ со взводомъ гренадеръ при квартирѣ Государя въ одномъ помѣщичьемъ домѣ съ садами. Одинъ изъ нихъ передъ фасадомъ дома, въ которомъ были окна кабинета и спальни Государя, а въ другой гораздо бдльшій, нужно было проходитьъ черезъ обширный дворъ, въ которомъ поставленъ мой караулъ. Государь два раза проходилъ черезъ дворъ этотъ въ большой садъ, и вся-

кій разъ съ благосклонною улыбкою приказывалъ людямъ караула ставить ружья въ козлы.

Въ одну изъ таковыхъ его прогулокъ послѣ обѣда въ большомъ саду, подъѣхалъ къ воротамъ двора свѣтлѣйшій князь Кутузовъ съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ и, вышедъ изъ экипажа, направился къ главному крыльцу дома, у котораго стоявшій караулъ сталъ въ ружье. Онъ, поздоровавшись съ людьми, спросилъ меня: сюда ли къ Государю? но узнавъ отъ меня, что онъ въ саду, на который я ему указалъ, усѣлся на лавочкѣ, стоявшей у крыльца и, подзвавши къ себѣ одну изъ стоявшихъ въ числѣ любопытствующихъ Нѣмочку лѣтъ 12, началъ съ нею шутить. Когда же Государь показался въ калиткѣ сада, то свѣтлѣйшій пошелъ къ нему и, встрѣтясь съ нимъ недалеко отъ ставшаго въ ружье караула, сталъ доносить о какомъ-то только что полученномъ новомъ успѣхѣ нашихъ войскъ (послѣ я узналъ, что извѣстіе это относилось къ занятію Магдебурга). Государь весело его выслушивалъ и, взявъ за обѣ руки, изволилъ сказать: всякій день, всякій день новое пріятное извѣстіе, и обратясь къ караулу громко произнесъ: „Поздравляю, ребята, еще съ новымъ успѣхомъ нашихъ войскъ“, и какъ водится обычно „*Рады стараться, Ваше Величество*“ было громкимъ отвѣтомъ на слова Государя.

По выходѣ князя Кутузова отъ Государя и по пробитіи зари съ музыкою Преображенскаго полка, когда уже стемнѣло и зажгли огни въ домѣ, я вздумалъ обойти его и посмотреть, не нужно ли будетъ поставить часового подлѣ оконъ Государя, и къ удивленію моему увидаль что десятка два Нѣмцевъ изъ оставшагося еще любопытствующаго народа, забравшись въ садъ, столпились около освѣщенныхъ изъ внутри оконъ. Государю нельзя было не слышать хотя самаго и тихаго ихъ говора и шума, но по добротѣ своей не приказывалъ ихъ отгонять. Я же, не могши этого предполагать, немедленно сталъ это дѣлать; но какъ ни тихо я уговаривалъ Нѣмцевъ отойти отъ оконъ, Государь вѣроятно изволилъ это услышать и, отворивши окно, сказалъ мнѣ „оставьте ихъ“, произнеся эти слова понѣмецки.

Вообще весь путь отъ Калиша, куда пріѣжалъ на свиданіе съ Государемъ король Прусскій, до Дрездена, былъ для нашего Государя путемъ торжества, какъ и вшествіе въ самый Дрезденъ.

Помню, когда въ день Люценскаго сраженія, въ тотъ моментъ, когда оно клонилось въ нашу пользу, Государь подъѣхалъ веселый къ нашему полку съ графомъ Витгенштейномъ, который только тогда, послѣ смерти князя Кутузова, присоединился съ своимъ корпусомъ къ главной арміи, дотолѣ дѣйствовавши отдѣльно, и изволилъ произнести: ребята, графу-Виттенштейну ура! что немедленно было подхвачено

всѣмъ полкомъ. А подъ Бауценомъ, когда нашъ правый флангъ вынужденъ былъ податься назадъ, онъ приказалъ гвардіи отступать и, ставъ со свитою, вблизи Преображенскаго полка, на одномъ холмѣ. не взирая на ложившіяся подлѣ него ядры, хладнокровно смотрѣлъ на отступающую гвардію. Это отступление походило болѣе на маневръ или ученіе, ибо всѣ баталіоны отступали поочередно, эшалонами, не спѣша, тихимъ шагомъ и въ ногу.

Не забуду никогда той минуты, когда, лежа въ Прагѣ для излеченія тяжелой раны, полученной мною подъ Кульмомъ, нуждался крайне въ деньгахъ, и какъ неожиданно мы всѣ раненные нашего полка по приказанію Его Величества получили по 100 червонцевъ, которые и послужили мнѣ къ болѣе скорому излеченію.

Въ Парижѣ, по занятіи его нашими войсками, намъ всѣмъ Русскимъ, бывшимъ съ нимъ, приходилось гордиться, что имѣемъ его своимъ царемъ. Всѣ Парижане, а особенно Парижанки, искали случая хотя только взглянуть на него. Редакторы всѣхъ журналовъ спѣшили другъ передъ другомъ превозносить его имя какъ великодушнаго побѣдителя и избавителя; словомъ, всѣ тамъ были отъ него безъ ума.

Онъ тамъ очень часто ходилъ одинъ, по всѣмъ улицамъ, въ простомъ гражданскомъ платьѣ, и тогда разумѣется его рѣдко кто узнавалъ, кромѣ случайно встрѣчавшихся Русскихъ, которымъ, хотя и военнымъ, тоже дозволено было на все время пребыванія въ Парижѣ ходить въ партикулярномъ платьѣ. А для ѣзды по городу у него была карета палеваго цвѣта, запряженная парою лошадей въ шпорахъ, и всегда съ двумя лакеями въ придворной Русской ливреѣ, и съ кучеромъ тоже по тогдашнему Парижскому обычаю. Въ одно Воскресенье отправился къ обѣднѣ въ Русскую церковь, тогда помѣщавшуюся въ посольскомъ домѣ. Подошедши къ его подъѣзду, увидалъ подъѣхавшаго къ нему великаго князя 16 лѣтняго, только что прибывшаго изъ Петербурга, Михаила Павловича съ адъютантомъ, который, не знавши куда направиться въ большой толпѣ стоявшей у подъѣзда, попросилъ меня идти впередъ и провести великаго князя черезъ стоявшихъ во множествѣ Парижскихъ дамъ, наполнявшихъ всю нижнюю обширную переднюю и большую лѣстницу ведущую въ церковь. Онѣ всѣ собрались здѣсь для того, чтобы хотя мелькомъ взглянуть на прекраснаго Русскаго Императора, прибытія котораго ожидали къ обѣднѣ. Проводивши великаго князя до дверей церкви, я поспѣшилъ вновь сойти внизъ къ подъѣзду, чтобы видѣть пріѣздъ Государя, который вскорѣ и послѣдовалъ, при громкихъ крикахъ стоявшаго на улицѣ народа: *vive Alexandre!* За Государемъ вышелъ изъ кареты сидѣвшій съ нимъ князь Волконской, и дожидавшій Государя флигель-адъютантъ пошелъ впереди

его расчищать путь между дамами, говоря довольно громко „place, mes dames, à l'Empereur“, а я, какъ никого другого изъ Русскихъ тутъ не было, пошелъ тотъ часъ вслѣдъ за княземъ Волконскимъ, а потому и могъ слышать очень явственно дамскій тихой между собою говоръ ah, qu'il est beau! произносимый по проходѣ Государя, который раскланивался съ ними съ особенною ловкостью. Государь, какъ теперь смотрю на него, былъ тогда въ праздничномъ кавалергардскомъ мундирѣ, который удивительно шелъ къ его осанкѣ и въ которомъ онъ любилъ показываться на балахъ.

Людовикъ XVIII, вновь возведенный тогда въ короли Франціи, прибылъ въ Парижъ еще во время нашего тамъ пребыванія. Государь нашъ изъ особенно тонкой деликатности, приказалъ, чтобы никто изъ Русскихъ въ мундирѣ не показывался на улицахъ въ день его параднаго въѣзда въ городъ въ открытомъ экипажѣ. Онъ былъ довольно старъ и тученъ для верховой ѣзды, а какъ Государю желалось показать ему свою гвардію во всемъ ея блескѣ, не смотря на перенесенные труды, то и придумано было пройтись ей церемоніальнымъ маршемъ повзводно, по Тюльерійской набережной вдоль рѣки Сены къ мосту de la Concorde, мимо одного изъ боковыхъ павильіоновъ Тюльерійскаго дворца, окна котораго выходили на эту набережную. И вотъ у одного изъ этихъ открытыхъ оконъ, во время прохожденія гвардіи, стоялъ король, улыбающійся и благодарящій наклономъ головы, когда проходящіе по очереди знамена салютовали ему. А Государь, стоявшій подлѣ него, вѣроятно называлъ ему по именамъ славные полки свои.

Узнавши одинъ разъ, что Государю угодно было въ тотъ день посѣтить оперу, я поспѣшилъ отправиться туда-же, не такъ для спектакля, какъ для того, чтобы видѣть восторженный пріемъ, который будетъ сдѣланъ Французскою публикою нашему Государю. Трудно было очень добиться до кассы для полученія билета, по случаю страшной тѣсноты, отъ которой мундиру моему пришлось жестоко пострадать; но билетъ все-таки, хотя и съ большими усиліями, былъ добытъ мною. Всѣ ложи зрительной залы были биткомъ набиты разряженными дамами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ложъ, занятыхъ нашими и Прусскими генералами, а въ пятой или четвертой отъ средней ложи, предназначенной для Государя, сидѣли молодые великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, только что передъ тѣмъ прибывшіе въ Парижъ.

Около 8 часовъ всѣ засуетились, музыка заиграла, возобновленную тогда въ памяти роялистовъ-Французовъ народную арію *Vive Henri IV*, но съ передѣлкою словъ „*Vive Alexandre, Vive ce Roi des Rois*“. Государь, въ то время показавшись у входа ложи, нѣсколько пріостановился, потомъ, подошедши къ баріеру, привѣтствовалъ публику легкимъ

наклономъ головы во все стороны. Раздался оглушительный крикъ *Vive Alexandre* и, вторя, оркестру, весь партеръ не только запѣлъ, но скорѣе можно сказать заоралъ арію. Государь видимо былъ тронуть, стоялъ и продолжалъ наклонять тихо голову. Восторгамъ публики не было конца, дамы махали платками и аплодировали съ большимъ усердіемъ. Арія, по требованію, повторялась нѣсколько разъ; наконецъ послѣ продолжительныхъ, изступленныхъ криковъ *vive Alexandre*, Государь изволилъ сѣсть, имѣя позади себя только одного князя Волконскаго. Публика тоже усѣлась, спектакль начался, но взоры всехъ были болѣе обращены не на сцену, а на Государя. Каждый изъ присутствовавшихъ тогда въ театрѣ, желая воспользоваться случаемъ, старался, всматриваясь въ Государя, врѣзать въ свою память несравненный образъ великодушнаго побѣдителя.

Въ антрактѣ Государь изволилъ что-то сказать кн. Волконскому, который, вышедши, скоро показался въ ложѣ, въ которой сидѣли великіе князья. Значить, Государь приказалъ имъ перейти въ его ложу. Они, вошедши въ нее и увидавъ, что Государь, облокотясь на парапетъ, занятъ былъ разсматриваніемъ въ лорнетъ нѣкоторыхъ дамъ сидѣвшихъ въ ложахъ, приостановились при входѣ и стали почтительно дожидаться, покуда Государь изволилъ обратить вниманіе на нихъ. Эта минутная картина, особеннаго уваженія младшихъ къ ихъ старшему брату и царю, была поразительно хороша, въ особенности, когда Государь, обратясь къ нимъ, съ улыбкою показалъ рукою сѣсть рядомъ съ нимъ, а они съ какимъ-то подобострастіемъ очень низко ему поклонились. И все это въ виду нѣсколько тысячъ зрителей, слѣдящихъ за каждымъ его движеніемъ, производившимъ восторгъ неописанный. Французы смотрѣли тогда на Александра какъ на особое какое-то неземное существо.

Я уже говорилъ, что Государь Александръ Павловичъ былъ очень красивъ лицомъ, но онъ сверхъ того былъ прекрасно сложенъ и чрезвычайно ловокъ. Хотя и казался нѣсколько сутуловатымъ, и притомъ ростомъ не болѣе 2 арш. 8 вершковъ, но все таки считался самымъ красивѣйшимъ мужчиномъ изъ всей его Имперіи. Съ женщинами былъ чрезвычайно любезенъ. На балахъ всегда въ башмакахъ, какъ и все приглашаемые тогда, даже гусары при вицъ-мундирахъ своихъ. Одни уланы имѣли привилегію быть на балахъ въ сапогахъ. Танцовывалъ онъ съ какою-то особенно величавою ловкостью. Мнѣ, какъ служившему въ гвардіи, приходилось очень часто видать его на придворныхъ балахъ вальсирующимъ даже въ 1819-мъ году, хотя ему тогда было уже 42 года. Величественная его осанка и поступъ чрезвычайно эффектно выказывались при вступленіи его въ бальную залу подъ руку съ вдовствомъ

шею Императрицею, своею матерью Марьею Ѳедоровною или съ супругою императрицею Елисаветою Алексѣевною. А такъ же при дворцовыхъ выходахъ, въ большіе праздники, когда онъ, предшествуемый всѣми придворными чинами, проходилъ въ большую дворцовую церковь, мимо дипломатическаго корпуса и гвардейскихъ генераловъ съ ихъ офицерами, собиравшихся тогда въ такъ называемой кавалергардской залѣ, между внутреннимъ карауломъ кавалергардскаго полка и комнатою, занимаемою обыкновенно карауломъ отъ одного, поочереды, другаго какого гвардейскаго полка.

Но на меня производили всегда какое-то особенное впечатлѣніе его входы въ зрительную залу эрмитажнаго театра, гдѣ давались тогда спектакли по Четвергамъ, разумѣется въ зимнее время. Зала съ мѣстами, устроенными въ видѣ полукруглаго амфитеатра, вмѣщаетъ не болѣе 250-ти, много 300 человекъ, вслѣдствіе чего въ каждый полкъ гвардіи присылалось не болѣе трехъ или четырехъ билетовъ; но я, когда мнѣ таковой не доставался, почти каждый разъ получалъ его отъ другаго товарища не желавшаго имъ воспользоваться. Я любилъ бывать на этихъ спектакляхъ, на которые собиралась вся высшая знать двора; меня, какъ весьма молодаго тогда человека, это льстило, въ особенности какъ выше, сказалъ, я любилъ смотрѣть на входы Государя, которые происходили такъ: въ исходѣ 8-го часа всѣ получившіе билеты находились уже въ зрительной залѣ, занимаясь шумными разговорами, между прочимъ и съ дамами, занимавшими обыкновенно три или четыре пизниихъ ряда амфитеатра съ правой стороны. Вдругъ входитъ оберъ-гофмаршалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, дѣлалъ знакъ тишины, музыка начинала играть, всѣ бросались къ своимъ мѣстамъ, и стоя обращали свои взоры на главныя двери. Черезъ минуту показывался Государь, подъ руку съ одной изъ Императрицъ, останавливался немного при входѣ, слегка нагибалъ голову направо и налево, тоже и Императрица, потомъ медленно начинали сходить по ступенямъ, направляясь къ кресламъ, поставленнымъ для императорской фамилии почти у самаго оркестра.

Въ антрактахъ, а иногда и во время представленія, Государь часто обращался съ лорнетомъ, который всегда носилъ съ собою, въ ту стору, гдѣ сидѣли дамы, въ томъ числѣ и М. А. Нарышкина.

Онъ любилъ прогуливаться пѣшкомъ и почти каждый день изволилъ ходить передъ обѣдомъ по какой нибудь набережной, а сани въ одну лошадь, съ его широкоплечимъ и молодцоватымъ кучеромъ Ильею слѣдовали за нимъ. Нерѣдко, слѣдуя по набережной Фонтанки отъ Невы до Калинкинскаго моста, не садился онъ въ сани.

Все это живо представилось мнѣ какъ сонъ какой.—Мнѣ какъ то не захотѣлось вѣрить, что Благословеннаго не стало. Онъ, не взирая на свое величіе, могущество, славу, любовь своего народа и цвѣтущее здоровье, пересталъ существовать на равнѣ кого изъ послѣднихъ его подданныхъ. Но память его дѣлъ для Россіи будетъ вѣчная. Нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай Павловичъ возымѣлъ, счастливую и великую мысль, повелѣвъ ежегодно поминать имя незабвеннаго въ день Рождества Христова, въ который покойнымъ Императоромъ установлено было благодарственное молебствіе Всевышнему, за избавленіе отечества отъ нашествія непріятели въ числѣ дванадесяти народовъ. Такимъ образомъ вѣчная память, провозглашаемая ежегодно Императору Александру 1-му, переходя отъ вѣка къ вѣку, дойдетъ до позднѣйшихъ временъ въ мірѣ и будетъ вѣроятно болѣе прочнымъ памятникомъ, чѣмъ даже та гранитная и единственная въ мірѣ по величинѣ своей колонна, которая поставлена въ Петербургѣ тоже въ память его.

Пармень Деменновъ.

1835 года. 28 Декабря.

Выше я коснулся Іезуитскаго пансіона, въ которомъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ. Соучастниками моими тогда были въ одномъ со мною классѣ: князь Ухтомскій, князь Прозоровскій, три брата Обресковыхъ, графъ Толстой, Похвисневъ, кн. П. А. Вяземскій, Юшковъ Энгельгардъ, Челищевъ, Поджіо, гр. Войновичъ, кн. Голицынъ, Брусиловъ, Энгельгардъ и Бибииковъ; всѣхъ же учениковъ въ пансіонѣ было съ небольшимъ 40. Преподаватели, за исключеніемъ православнаго священника отъ Казанскаго собора, были всѣ монахи-Іезуиты разныхъ націй.

*

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 года (III, 258) напечатана статья Пармена Семеновича Деменнова: „Четырнадцатое Декабря 1825 года на Петербургскихъ площадяхъ Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской, записано очевидцемъ его на третій день послѣ происшествія“. Появившись 34 года раньше вышенапечатанной здѣсь, она служитъ ей продолженіемъ въ печати, и обѣ онѣ вызываютъ сожалѣніе читателя объ ихъ краткости. П. Б.

